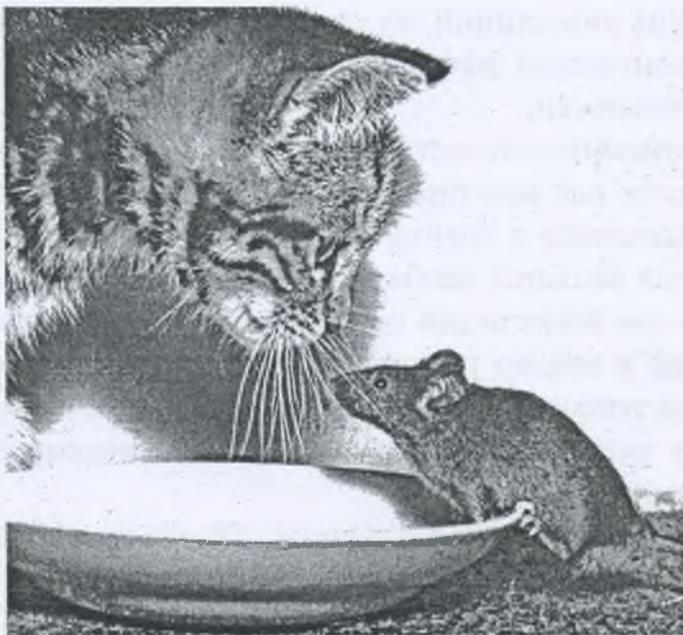

Качаться на хвосте у ветра...

Светлана Голубева родом из Пскова, легендарного города, с которого начинается Северная Русь, не испоганенная когда-то монголами. Там свой говор и мироощущение. Может быть, поэтому, переехав в Орёл, Светлана Сергеевна сразу же удивила наших читателей простотою слова, ясностью мысли. Первым опубликовал её «Орловский вестник». Сказки, поначалу предназначенные для шестилетней дочурки, охотно печатают и другие газеты, а областная писательская организация в прошлом году направила Светлану в Курск на межрегиональный семинар молодых литераторов, где Голубеву единодушно признали вполне сложившимся прозаиком. Буквально на днях в издательстве «Вешние воды» выходит книга Светланы Сергеевны «Капельки». Предлагаем несколько произведений из неё.

Как кот мышей воровству обучал

Было это так давно, что люди не помнят, а животные не расскажут. Мыши тогда первыми труженицами считались. В полях жили, всякую маломальскую снедь в норки тащили, запасали на долгие зимы.

Зимы были не такие, как сейчас, и люди тоже. Знали цену труду, лишнее мусором не считали. Да и не было лишнего-то. А чтоб красть друг у друга — того не помышляли.

При людях, на подворье, всегда животные жили: коровы, лошади, овцы, куры, свиньи. Ну, и кот, конечно, куда ж без него. При доме, при печи хозяйской. Что уж там люди про него думали — не знаю, а он-то сам себя господином в избе чувствовал. Ходил вразвалочку, неспешно умывался лапкой, протражно мурлыкал. Хозяйские дети его беспрестанно в свою компанию брали; он их сызмалства нянчил. За то и кормили. И неплохо, доложу я вам, кормили.

Только скучно коту жить стало. Решил, что его работа по дому большей благодарности стоит. Стал потихоньку у людей еду таскать. И так в этом деле наловчился, что шибко захорошел: пухлый, рыжий, словно пирожок из печи. А уж артист — поискать.

Смотрят, бывало, на него с подозрением, а он бесхитростные глаза к небу поднимет, щёки-брюльки к долу отвесит и вздохнёт — куда там иному лицедёю.

Время шло. Хозяйские дети подросли, у хвостатого няньки работы совсем не стало. Жизнь ещё скучнее сделалась. Начал он в дальние неспешные прогулки отправляться.

Увидел однажды в поле мышей. Остановился поглядеть на их житьё. Потом говорит:

— Здорово, каторжники!

— Почему «каторжники»? — возмущились мыши. — Мы на себя работаем. Трудно летом — сытно зимой, знаешь?

— Кто ж спорит, — говорит кот. — Да только жизнь ваша беспросветная. Вы хоть останавливайтесь иногда? Хоть в глаза другу глянуть или на небо...

— Чего мы на небо-то не видали? Чай, зёрнен там не насыпано. А в глаза нам смотреть нечего: мы все одинаковые, черноглазые.

— Жаль мне вас: лучшей жизни не видели.

— Да нешто есть она, лучше нашей-то?

— У меня, например. Вору, — с гордостью сообщил им кот.

— Воруешь? Как?

— Беру, что плохо лежит, и в пищу употребляю.

— Да мы этак всю жизнь делаем, — облегчённо вздохнули трудяги. — Берём, что плохо в поле, в лесочке лежит, и в нору тянем.

— Стало быть, вам не привыкать, — ухмыляется хитрюга. — Пошли со мной в деревню, кто смелый.

А кто смелый? У мышей в то время человек во врагах не числился, вот и пошли некоторые с котом.

Привёл он их к себе в дом. Гости с непривычки в кучку под печью сбились, озираются. А кот на лавку прыгнул, с неё — на стол, опрокинул кринку сметаны, слизывает. Удал, значит, показывает. Ну, что ещё? Миску с сухим горохом опрокинул. Потом шматок сала на пол со стола слягул — кушайте, мол, серость хвостатая.

Друзья подбирают, уже в азарт вошли, когда люди вернулись. Кота-то хозяин сразу в оборот взял: за загривок держит, мягкое место здоровенной огурубелой ладонью охватывает. После уж на улицу выставил.

Серая братия в испуге под стеной, где дырочка в подпол была, стискалась.

Как только усатый пакостник орать начал, они со страху вниз просыпались, мешочек с горохом да салом отнюдь не забыли. Посидели так-то, ни живы ни мертвы, огляделись. А что? Место хоть прохладное, но зимой не замёрзнешь. Картошки, моркови, свёклы вволю. Чего не поселиться? Другой раз, опять же, можно в избу слазить. Так и остались.

С тех пор повадились мыши в домах селиться. Воровством промышлять. Поднаторели в этом — людям житья не стало.

Рыжий-то прохвост через время опять к хозяевам в фавор попал, в избу вхож стал. Как узнал, что пока в изгнании был, приятели его воровскую науку уразумели и нехудо зажили, обиделись и не упустил уже случая погонять их.

С того времени повелась вековечная война кошек-мышек. К слову сказать, украсть у хозяев чего съестного коты тоже не откажутся, только куда им до мышей.

Недруги

На столе рядышком стояли стеклянные банка и бутылка.

Обе пока молчали, но поглядывали друг на друга с презрением. Банка не выдержала и начала разговор первая:

— Вот я — Ба-а-аночка. Посмотри, какая вместительная: широкое горлышко, внушительные бока, прозрачная.

— А я — Бутылочка, — отвечает ей соседка. — Тёмно-зелёная, изумрудная, можно сказать. Посмотри, какая у меня тонкая шейка. Фигурка — загляденье.

Видит крутобокая, что тонкогорлая ею нисколько не любит, собой довольна, чужого превосходства не допускает, обиделась:

— Что о-о? Ну что в тебе хранить-то можно? А в меня и огурчик влезет, и помидорчик.

Бутылка не сдаётся:

— Во мне всё благородное хранить можно: родниковую воду, вино, настойки, бальзамы разные. Только я не такая глупая, как ты: не показываю каждому своего внутреннего мира!

— А-а, — обозлилась Банка. — Так ты меня простушкой-глупышкой обзываешь?!

Неизвестно, чем бы всё кончилось, если бы Хозяйка не налила в Банку кипячёное молоко и в холодильник не отнесла, а Бутылку в стеной шкафчик на полку поставила с крапивной настойкой (здоровью волос помогает).

Через время они снова встретились: молоко закончилось, настойка тоже. Хозяйка вечером их в раковину поставила, чтобы с утра помыть.

Когда в доме легли спать, спор у соперниц затеялся снова:

— Я прозрачная, кристально честная, душа нараспашку — ничего не скрываю! — кричит Банка.

— А я — таинственная, загадочная, всё прячу, ничему испортиться не дам, — откликается Бутылка.

В конце концов доводы иссякли, и Банка могучей грудью кинулась отстаивать своё превосходство.

Раздался звон.

Усталая Хозяйка сквозь сон решила, что это кот хулиганит, и дала себе слово наказать его, когда проснётся.

Утром в раковине она увидела бесцветные и зелёные осколки и выбросила их в мусорное ведро. «Разбились. Мыть не надо», — подумала женщина.

На полках стеной шкафа у неё стояла дюжина разных банок и бутылочек.

Тени

Знаешь ли ты, как несчастны тени в солнечный день?

Невесомые лучи Солнца — самые тяжкие оковы, без жалости приковавшие их к хозяевам.

Кроткие и робкие, они никогда не позволили себе сделать то, что им приходится повторять за людьми: срубить дерево, вырвать цветок, бросить камень в бездомного пса.

О, сколько глупого, бездарного и суетного придётся им ещё совершить за долгие летний день! Поэтому тени не любят солнечного света, хотя благодаря ему обретают ясные очертания, становятся похожими на своих хозяев...

Но приходит ночь: люди ложатся в постели, выключают лампы, а тени освобождаются от жестокого плена. Они радостно вскидывают руки и без оглядки выпархивают в окна, чтобы водить хороводы между звёзд, качаться на хвосте у ветра и целоваться с деревьями.

Внезапно проснувшись тихой летней ночью, ты думаешь, что слышишь сухой шорох листьев? Не думай: это — песня теней. Нежно обнявшись с деревьями, они поют о свободе, любви, о том, что одно не бывает без другого. В этой песне — пылкая благодарность ночи и тоска о том, что всё на Земле конечно...

С первыми лучами тени тают в вышине как ночные облака, чтобы появиться у ног своих хозяев и молча страдать от несправедливости.

Молча можно страдать только от самой большой в мире несправедливости.

Что же может быть несправедливее отобранной свободы?..